

шляхты, Волян не выступал против ее привилегий, однако в неравенстве видел нечто уродливое и преступное [7, с. 31]. Неравенство перед законом – варварская дикость, полагает мыслитель, ссылаясь на Священное Писание: «Судите по справедливости, не делая никакой разницы братом и чужеземцем, выслушивайте малого так, как и великого, не обращая внимания на личность». По утверждению А. Воляна, такой полнотой свободы, которой обладает шляхта, должны обладать все сословия ВКЛ. Как и Платон, он видел в праве универсальный инструмент достижения благополучия в обществе, его гармонизации. Поэтому его беспокоило отсутствие в ВКЛ комплекса законов, которые обеспечивали бы прочное и счастливое благополучие его граждан как главной цели государства, на которую указывали еще античные мыслители.

Волян обращал внимание читателя и на несовершенство законов, некоторые из которых, он полагал, расходятся с Божьими нормами и, значит, наносят обществу вред [7, с. 52]. В этой связи он предлагает ввести законы, которые карали бы за прелюбодеяние, дисгармонизирующее общественную жизнь. Доказывая необходимость законодательного ограничения пьянства, он ссылается на исторические примеры, библейскую историю, когда пьянство вело к поражениям в сражениях, гражданскому запустению и одичанию [7, с. 75]. В свободном обществе необходимы законы против роскоши: чрезмерное богатство, как правило, вызывало в истории великие бедствия и вело к разрушению самих основ общества.

В гармонизации общественной жизни, по убеждению А. Воляна, важную роль играет правильное истолкование и применение закона. Отталкиваясь от понятия справедливости закона, А. Волян полагал, что норма закона отражает только общее, типичное и поэтому законодатель не в состоянии предусмотреть в ней все случаи жизни. Это влечет за собой особые требования к правоприменителю – судье, задача которого состоит индивидуализировать норму в соответствии с конкретными жизненными обстоятельствами, временем и иными обстоятельствами. Однако, подчеркивает А. Волян, судьи в ВКЛ мало обращают внимание на справедливость, а судьи не считают правомерным хоть в какой-то мере отступить от общей юридической нормы, хотя подлинное правосудие не возбраняет отступления от буквы закона в пользу его справедливости [7, с. 94] как фактора социальной гармонии.

Ренессансная идея мирного развития государства, неприятие военных средств разрешения конфликтов между князьями-магнатами, игнорирование ими законов – темы развиваемые Н. Гусовским в «Песне

о зубре» (1522 г.). Он впервые в отечественной общественной мысли обвиняет господствующий класс в развязывании междуусобных войн и братоубийстве: «Что для князей наша кровь, наши слезы? Им лишь бы править, свое удержать превосходство, вот и творят злодеяния, судьбами люда играют [8, с. 164]. Он в яркой поэтической форме выражал идеал мирной государственной жизни на основе, единых для всех сословий законов.

Главный идеолог протестантизма в ВКЛ С. Будный с целью популяризации в княжестве передовой политико-правовой мысли он печатает в 1577 г. в Лоске книгу известного в Европе польского ученого-правоведа А.Ф. Моджевского «Об исправлении государства», в которой излагались основные идеи зарождавшегося буржуазного юридического мировоззрения, где право объявлялось главным средством социальной регуляции. Будный считал, что право гарантирует веротерпимость и предопределяет гармонию между всеми сословиями и социальными группами в государстве. В своем сборнике «О светской власти» (1583 г.) он заявлял, что король «должен окружать себя людьми умными и учеными, хорошо разбирающихся в законах» [9, с. 77]. После событий Варфоломеевской ночи он считал веротерпимость, основанную на праве, важным элементом гармонизации общественных отношений в государстве.

Таким образом, отечественные мыслители эпохи ВКЛ, развивая идеи человеческой самости и свободы, критически оценивали сложившуюся в княжестве политико-правовую систему, которая не позволяла в полной мере реализовать возрожденческие идеи на практике. В этих условиях они предлагали превратить право в главный инструмент человеческого общежития и государственного управления, фактор социальной гармонии.

1. Гісторыя Беларусі : ў 2 ч. Частка 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. : падручнік / Я.К. Новік [і інш.]. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск, Выш. шк., 2007. – 398 с.
2. Большая энциклопедия : в 62-х томах. – М. : ТЕРРА, 2006. – Т. 27. – 592 с.
3. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследование по истории соц.-эконом., полит. и культур. развития) / В.И. Пичета. – М. : АН СССР, 1961. – 813 с.
4. Скарына, Ф. Творы / Ф. Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
5. Спиридонов, М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) / М.Ф. Спиридонов. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 223 с.
6. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин ; пер. В.И. Матузовой ; отв. ред. А.Л. Хорошевич. – М. : МГУ, 1994. – 151 с.
7. Волян, А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе / А. Волян ; пер. з лацін. Ул. Шатона. – Мінск : Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
8. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі. – Мінск : Мастац. літ., 1980. – 192 с.
9. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – нач. XIX в. / АН БССР, Ин-т философии ; под общ. ред. В.А. Сербента. – Мінск : АН БССР, 1962. – 524 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «БЕЖЕНЕЦ» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Проблема беженства как большого и многогранного явления влияет на разные сферы жизнедеятельности общества, поэтому этому понятию присущи разнообразные определения и оценочные категории. Бегство людей от смерти и насилия, поиск убежища и спасения, войны и конфликты наблюдаются на протяжении всей истории. До формирования международного гуманитарного права защита жизни, прав и интересов беженцев не была урегулирована в течение весьма долгого времени на законодательном уровне. И хотя основы международного гуманитарного права были заложены во второй половине XIX в., главные нормативные правовые акты в этой отрасли права были приняты только во второй половине XX в. [1, с. 2–3].

Международное закрепление прав человека в его современном виде начало формироваться лишь после окончания Второй мировой войны: основополагающим международным нормативным правовым актом в сфере прав человека стал Устав ООН, принятый в 26 июня 1945 г. в г. Сан-Франциско [1, с. 45–46]. Сегодня международное гуманитарное право понимают как совокупность конвенционных и обычных норм, регулирующих отношения между участвующими в вооруженном конфликте и затронутыми им субъектами международного права по поводу применения средств и методов ведения вооруженной борьбы, защиты раненых, больных, военнопленных и гражданского населения, а также устанавливающих ответственность государств и отдельных лиц за нарушение этих норм [1, с. 9].

Подчеркнем, что в начале XX в., когда количество беженцев в годы Первой мировой войны уже стало исчисляться миллионами человек, мировое сообщество только начало искать пути решения беженской проблемы. Одним из важнейших вопросов стала юридическая защита этой категории населения. Как отметил высокопоставленный чиновник Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев Питер Николаус, неверно говорить о двадцатом веке как о веке беженцев, однако, двадцатый век верно называть веком Международного права беженца [2].

Одна из первых попыток юридического решения проблемы беженства, а также определения понятия «беженец» была сделана еще в Российской империи (куда входила и территория современной Беларуси)

непосредственно в период Первой мировой войны. Воюющие стороны в этом противостоянии – Тройственный союз и страны Антанты – готовились к быстрой и победоносной войне, но конфликт принял тяжелый и затяжной характер. Причины превращения мирного населения в беженцев были различны. На территории Российской империи они были обусловлены следующим. В связи с введением военного положения военным властям и генерал-губернаторам предоставлялось право принятия чрезвычайных мер по обеспечению ведения боевых действий и предупреждению нарушений государственной безопасности, общественного порядка. При отступлении российской армии военные власти в ряде случаев считали необходимым выселить и переместить мирное население западных губерний с постоянного места жительства в глубину империи. Результатом стало преобразование мирных жителей в беженцев. В военное время условия жизни на фронтовых и прифронтовых территориях также способствовали стремлению населения переместиться в более безопасные районы Российской империи [3, с. 115].

Отметим, что в первый год войны (до лета 1915 г.) беженство не вызывало большой озабоченности властей Российской империи, так как оно рассматривалась как явление, присущее военному времени. Помощь основному количеству беженцев оказывали благотворительные общественные организации, в том числе Комитет Ее Императорского Величества Великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет). Положение о Татьянинском комитете, утвержденное 14 сентября 1914 г., можно определить как первый официальный документ о беженцах в Российской империи. Напрямую они здесь не упоминаются, однако указанные в Положении категории населения, пострадавшего от войны, в последующее время будут признаны властями именно как беженцы. В п. 6 Положения указывалось, что благотворительное общество оказывает «временную помощь лицам, впадшим в нужду вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами, в пределах их постоянного места жительства либо временного пребывания, причем помощь эта распространяется как на тех, кои остались на месте своего жительства, так и на тех, кои были вынуждены покинуть его по требованию подлежащих властей или по другим, связанным с войною, причинам» [4, с. 10–11].

Увеличение летом – осенью 1915 г. количества беженцев до нескольких миллионов человек стало неожиданным для центральных и местных гражданских властей Российской империи и заставило органы государственной власти обратить пристальное внимание на обеспечение нужд этой категории пострадавших от войны. Совет Министров посчитал, что именно Министерство внутренних дел как ответственное

за сохранение стабильности и порядка в империи должно руководить делом обустройства беженцев. Выработка закона о беженцах происходила ускоренными темпами, законопроект о беженцах готовил земский отдел МВД под надзором министра. Этот отдел был создан еще при подготовке реформы 1861 г. и с того времени занимался вопросами переселения населения.

Подготовленный МВД законопроект о беженцах был предварительно обсужден на специальном совещании под председательством заместителя министра внутренних дел, в которой участвовали члены Государственного Совета и Государственной Думы, представители министерств. В августе 1915 г. законопроект о беженцах был передан на обсуждение в Государственную Думу, а потом в Государственный Совет. В целом Дума одобрила законопроект МВД, однако сочла необходимым уточнить некоторые статьи. Государственная Дума приняла закон «Об обеспечении нужд беженцев» 14 августа, а его утверждение императором произошло 30 августа 1915 г. Именно в этом законе впервые было дано определение понятия «беженец»: беженцами признаются лица, оставившие местности, которым угрожал неприятель или которые он уже занял, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств (ст. 1 и 6). В законе были прописаны определенные мероприятия по решению беженской проблемы [4, с. 2, 3].

Государство признало беженцами следующие категории выселенного населения: 1) государственные чиновники, служащие, их семьи, православные священники, эвакуацию которых обеспечивало государство; 2) принудительно выселенные приказами военных и гражданских властей мирные жители, состоявшие из депортированных представителей неблагонадежных (с точки зрения царского правительства) национальностей (немцев, евреев, поляков, галичан и др.) и жителей западных губерний военнообязанного возраста и вообще всех тех, выселение кого власть сочла необходимым в связи с военным временем; 3) мирные жители, которые по причине близости фронта и связанными с этим условиями жизни по собственной инициативе покинули свой дом и направились во внутренние губернии империи. Октябрьская революция 1917 г. привела к ликвидации предшествующей государственной и правовой системы, поэтому этот опыт законодательного решения беженской проблемы оказался утерянным [3, с. 120–125].

Только после окончания Первой мировой войны, когда в Европе оказались миллионы человек, покинувшие места постоянного жительства, в рамках Лиги Наций началась разработка и принятие международных актов по защите беженцев. Особенно тяжелое положение было

у беженцев из бывшей Российской империи. После Октябрьской революции большинство из них не признали утвердившуюся в России советскую власть, а законодательство бывшей Российской империи, гарантирующее защиту их прав и интересов, утратило силу. Для нового правительства их бывшей исторической родины многие русские беженцы были классовыми врагами, и поэтому защитить их интересы было некому. В сложной ситуации были беженцы и из других распавшихся империй – Османской и Австро-Венгерской. Задачу ликвидации беженства возложили на Лигу Наций, были установлены временные рамки выполнения – до мая 1924 года [5, с. 115–155].

Инициатором привлечения Лиги Наций к беженским проблемам стал существовавший с 1863 г. Международный комитет Красного креста (далее – МККК). 27 июня 1921 г. по докладу представителя Франции Г. Ганото было принято решение создать должность Верховного комиссара по делам русских беженцев (с условием, чтобы он не был русским). Предлагалось также собрать конференцию представителей заинтересованных правительств [6, с. 135]. В 1921 г. Совет Лиги наций созвал в Женеве конференцию по вопросу о беженцах, затем постановил назначить Ф. Нансена на должность Верховного комиссара по делам беженцев. При этом в условиях сложной международной обстановки межвоенного периода вопрос о беженцах имел в Лиге Наций второстепенное значение. Чтобы Верховный комиссариат по делам русских беженцев не превратился в бюрократическое учреждение, в сентябре 1921 г. при нем образовали совещательный комитет. Туда вошли представители международных и российских эмигрантских благотворительных организаций [6, с. 136].

Впервые в международных соглашениях понятие «беженец» появилось в 1922 г., когда 3–5 июля в Женеве состоялась конференция представителей правительств, на которой был принят текст сертификата для беженцев (получивший позже название нансеновского паспорта). На Женевской конференции представителей правительств одним из главных вопросов было положение русских беженцев (под которыми понимали всех выходцев из бывшей Российской империи), поэтому таковым признавался беженец «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства». Затем это понятие было уточнено в мае 1926 г. Женевским межправительственным Соглашением о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам, о дополнении и внесении изменений в соглашения от 5 июля 1922 г. и 31 мая 1924 г. [6, с. 135]. В соответствии с п. 2 Соглашения беженцем стало считаться любое лицо соответствующего происхождения, которое не пользуется или которое более не пользуется защитой своего правительства и не приобрело другого гражданства [7]. Как подчерки-

вает Ю.С. Лагодзинская, особая роль в деле научной разработки и юридического закрепления правового статуса беженцев принадлежала российским юристам, оказавшимся после революции за пределами своей страны. Например, в работе по определению статуса беженцев активно участвовал Союз русской присяжной адвокатуры в Германии, которым в 1920–1926 гг. были подготовлены и представлены по данной проблеме следующие доклады: И.М. Рабинович – «О возможности применения к русским эмигрантам в Германии декретов Советской власти» (1920 г.), «Порядок наследования для русских в Германии» (1924 г.) и «Наследство русских эмигрантов» (1926 г.); В.С. Мандель – «О правах русских граждан за границей» (1920 г.); М.А. Таубе – «О правовом положении эмигрантов с точки зрения международного права» (1920 г.); О.А. Верт – «Правовые вопросы русской эмиграции в Германии» (1922 г.); Е.А. Фальковский – «О судебном залоге и праве бедности бесподанных по германским законам» (1923 г.) и «Должно ли советское право применяться к русским эмигрантам в Германии» (1924 г.) [6, с. 133–134].

Ф. Нансен придавал большое значение именно правовой защите беженцев. После неудачных переговоров с Советским Союзом о репатриации российских беженцев Ф. Нансен содействовал принятию дополнительных мер, направленных на обеспечение надежного правового статуса беженцев в принимающих странах [8, с. 24–28].

После смерти Ф. Нансена по решению Лиги Наций было учреждено Международное управление Нансена по делам беженцев в качестве автономного органа. Руководство этой организацией было поручено Совету управляющих, председатель которого назначался ассамблеей Лиги Наций. Управление занималось вопросами оказания помощи беженцам и просуществовало до конца 1938 г. [9, с. 10–50].

Дальнейшее расширение применения понятия «беженец» к другим пострадавшим от войн и конфликтов народностям и нациям произошло на международной конференции в Женеве 28 октября 1933 г. (подписана Конвенция о международном статусе беженцев).

Как пишет П. Николаус, в период между двумя мировыми войнами организации рассматривали только определенные категории беженцев, то есть целые четко определенные группы. Критериями, используемыми для определения беженца, являлись: гражданство (или бывшее гражданство) конкретной страны и потеря дипломатической защиты этой страны (или страны преемника). Человек для получения признания в качестве беженца должен был происходить из страны, оговоренной в конкретном мероприятии (царская Россия, Оттоманская империя, Испания, Австрия или Германия), и не иметь дипломатической защиты [2]. Российский исследователь Д.В. Иванов также считает, что соглашения, заключенные под эгидой Лиги наций, использовали групповой или

категориальный подход, суть которого в том, что нахождение лица за пределами страны своего происхождения и непользование им защитой правительства этой страны были вполне достаточными условиями для признания такого лица беженцем. Однако эти определения не указывали причины и мотивы оставления беженцами страны своего прежнего местожительства [10, с. 11–12].

Попытки внести в юридическое определение «беженец» политический аспект дважды предпринимались в 1921–1939 гг. В 1936 г. в Брюсселе была принята резолюция, которая определяла беженца как индивида, «который по причине внезапно возникших политических событий на территории государства его гражданской принадлежности покинул добровольно или недобровольно эту территорию... и не приобрел нового гражданства, и не пользуется дипломатической защитой какого-либо другого государства». В 1938 г. во Франции был учрежден Межправительственный комитет по делам беженцев. В 1938 г. в резолюции о полномочиях Межправительственного комитета по делам беженцев в качестве таковых признавались лица, которые вынужденно покинули страну своего происхождения по причине своих политических убеждений, вероисповедания и расового происхождения. Данные резолюции не имели статуса юридически обязывающих документов, но внесли важный вклад в формирование международно-правового определения беженца [11, с. 10–50].

Советский Союз предпринимал как явные, так и скрытые попытки повлиять на решение беженского вопроса в рамках деятельности Лиги Наций. Представители СССР В. Потемкин и Б. Штейн настаивали на объединении всех беженцев под крышей одного учреждения и ликвидации офиса им. Нансена в 1939 г. Фактически СССР старался исключить категорию русских беженцев из ведения Лиги Наций [5, с. 115–155].

Ряд исследователей считает, что с 1921 по 1939 г. Лига Наций в области решения беженской проблемы все же оказалась не в состоянии выполнить заявленные цели и задачи. Возможности Лиги Наций по оказанию различных видов помощи были ограничены, поэтому все документы, разработанные организацией для решения проблем беженцев, имели существенные недостатки (соглашения носили рекомендательный характер и не имели обязательной юридической силы; не применялись повсеместно и последовательно; конвенции были ратифицированы лишь несколькими государствами, высказавшими в большинстве своем оговорки) [12, с. 33–35].

Однако именно соглашения, принятые в рамках Лиги Наций, определили те тенденции, которые и стали основой ныне действующих определений. Одной из таких тенденций явилось постепенное сужение понятия «беженец» в рамках конкретных юридических критериев. Такие критерии восполняли пробелы в понятии «беженец», закрепленном

в предшествующих соглашениях, связанные с отсутствием указания на причины, побудившие лицо покинуть страну своего гражданства или постоянного места проживания. Эта практика нашла отражение в документах, принятых после Второй мировой войны [11, с. 10–50].

Д.В. Иванов подчеркивает, что в период после окончания Второй мировой войны многие государства стремились сильнее политизировать понятие «беженец», что проявилась, например, при разработке Устава Международной организации по делам беженцев (МОБ), созданной в 1948 г. [10, с. 11–12]. Согласно Уставу термин «беженец» применяется «к лицу, которое покинуло страну, гражданином которой он является, или прежнее привычное место жительства, или к лицу, которое находится вне их пределов и которое независимо от того, сохранило оно свое гражданство или нет, принадлежит к одной из следующих категорий: а) жертвы нацистского или фашистского режимов или режимов, принимавших участие во Второй мировой войне на стороне фашистских режимов, или жертвы квислинговских или подобных им режимов, помогающих фашистским режимам в их борьбе против Объединенных Наций независимо от того, пользуются они международным статусом как беженцы или нет; б) испанские республиканцы и другие жертвы фалангистского режима в Испании независимо от того, пользуются они международным статусом как беженцы или нет; в) лица, которые рассматривались как беженцы до начала Второй мировой войны по причинам расового, религиозного или национального характера или вследствие их политических убеждений» [13]. Отличительная особенность определения понятия «беженец» по Уставу МОБ заключалась в том, что в нем объединены групповой подход, использовавшийся в предыдущих соглашениях при определении понятия «беженец», и политический аспект проблемы беженцев [3, с. 11–12].

Конвенция о статусе беженцев как основополагающий международный нормативный правовой акт в области регулирования правового статуса беженцев и защиты их прав и свобод была принята только 28 июля 1951 г. в Женеве. Протокол 1967 г., касающийся статуса беженцев, внес серьезные изменения в Конвенцию 1951 года. На региональном уровне государства, столкнувшиеся с масштабными потоками беженцев, разработали региональные международно-правовые документы. В системе ООН в 1950 г. было учреждено Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), которое заменила МОБ; в его обязанности входит оказание защиты и помощи беженцам во всем мире [3, с. 2].

Международное сообщество столкнулось с тем, что предыдущие определения беженца просто фокусировались на стране происхождения и присутствии защиты. Предстояло решать проблему людей, которым их страна разрешала вернуться, но они боялись это сделать. В Уставе Управления Верховного комиссара Организации Объединенных

Наций по делам беженцев, принятом в 1950 г., указывалось, что мандат УВКБ ООН распространяется «на всех других лиц, которые находятся вне страны своей гражданской принадлежности или, если они не имеют определенного гражданства, вне страны своего прежнего обычного местожительства, вследствие испытываемых или испытанных ими, вполне обоснованных опасений преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности или политических убеждений и не могут или по причинам указанных опасений, не желают пользоваться защитой правительства своей гражданской принадлежности или, если они не обладают определенным гражданством, возвратиться в страну своего прежнего обычного местожительства» [14].

Конвенция о статусе беженцев 1951 г. указывала, что «в настоящей Конвенции под термином „беженец“ подразумевается лицо, которое в результате событий, происшедших до 1 января 1951 г., и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в неё вследствие таких опасений... В тех случаях, когда какое-либо лицо является гражданином нескольких стран, выражение „страна его гражданской принадлежности“ означает любую из стран, гражданином которой оно является, и такое лицо не считается лишенным защиты страны своей гражданской принадлежности, если без всякой действительной причины, вытекающей из вполне обоснованных опасений, оно не прибегает к защите одной из стран, гражданином, которой оно является» [15].

Однако ограничение по времени, указанное в Конвенции 1951 г., затрудняло процесс идентификации беженцев и оказания им помощи. Эта проблема решилась в 1967 г., когда был принят Протокол, касающийся статуса беженца. Согласно этому документу в ст. 1 А (2) «Для целей настоящего Протокола под термином „беженец“, за исключением случаев, касающихся применения пункта 3 настоящей статьи, имеется в виду любое лицо, подпадающее под определение статьи 1 Конвенции с опущением слов „в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года...“ и слов „...в результате подобных событий“» [16]. СССР присоединился к Конвенции о статусе беженцев только в 1989 г.

Как отмечает П. Николаус, последующий период характеризуется попытками реформировать международное право беженца и переопределить термин «беженец», что оказалось успешным только на региональных уровнях, но не смогло реализоваться на общемировом уровне.

ООН не стала по-новому определять термин «беженец», а создала или возродила ряд терминов, таких как «лица, которым УВКБ ООН оказывает протекцию», «перемещенные лица», «лица, относящиеся к компетенции УВКБ ООН» и «лица, нуждающиеся в международной защите» [2]. В международном праве стали различать две категории беженцев: а) «мандатные беженцы» – лица, которые рассматриваются УВКБ ООН таковыми на основе положений Устава управления и подпадают только под его защиту; б) «конвенционные беженцы» – лица, за которыми признан статус беженцев государством убежища, являющимся участником Конвенции 1951 г. или Протокола 1967 г.

Таким образом, на протяжении первой половины XX в. в международном праве происходил процесс формирования юридического понятия «беженец», на который значительно влияли конкретные исторические условия в тех государствах или регионах, которые столкнулись с беженской проблемой. Непосредственно в годы Первой мировой войны на региональном уровне, в ряде государств, были сделаны определенные шаги по законодательному закреплению понятия «беженец» и оказанию им помощи. Например, в законодательстве Российской империи под беженцами понимали все почти категории населения, которые по причине военных действий добровольно или принудительно покинули места постоянного проживания и оказались в других частях страны. Фактически эта категория населения не покидала страну, а перемещалась по ее территории. Это определение отличается от последующего понятия «беженец» в международном праве и близко к сегодняшнему понятию «вынужденный переселенец». После окончания Первой мировой войны в международном праве под беженцами станут понимать людей определенной национальности или людей, покинувших определенную страну. Со временем понятие «беженец» стали применять к человеку, который по разным причинам вынужден покинуть свою родную страну и не может в нее вернуться без риска для жизни.

1. Батырь, В.А. Международное гуманитарное право : учебник для вузов / В.А. Батырь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2011. – 687 с.

2. Николаус, П. Развитие определения беженца в международном праве Беженца [Электронный ресурс] / П. Николаус. – Режим доступа: <http://unhcr.org.ua/img/uploads/docs/gen-9.doc>. – Дата доступа: 11.10.2015.

3. Лапановіч, С.Ф. Законы, правілы і распарадкаванні па ўладкаванні бежанцаў як крыніца даследавання напрамкаў сацыяльнай палітыкі царскага ўрада ў заходніх губернях ў гады Першай сусветнай вайны (1914–1916 гг.) / С.Ф.Лапановіч // Источники права: проблемы теории и практики : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 27 февраля 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 115–130.

4. Законы и распоряжения о беженцах. – Вып. 1. – 2-е изд. – М. : Юрид. отд. Всерос. союза городов, 1916. – 106 с.

5. Бочарова, З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории : учеб. пособие / З.С. Бочарова. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 304 с.

6. Лагодзинская, Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев / Ю.С. Лагодзинская // Вопр. рос. и междунар. права. – 2012. – № 3–4. – С. 132–144.

7. Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам, о дополнении и внесении изменений в соглашения от 5 июля 1922 года и 31 мая 1924 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Rlnations1.1.html>. – Дата доступа: 01.11.2016.

8. Моргун, Ю.Ф. УВКБ ООН: международная защита беженцев / Ю.Ф. Моргун // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 2. – С. 24–39.

9. Международная защита беженцев : учеб. пособие для вузов / Н.К. Абдылдаев [и др.] – Бишкек, 2007. – 260 с.

11. Павлова, Л.В. Международно-правовой статус беженца : пособие для студентов вузов / Л.В. Павлова, А.В. Селиванов. – Минск : Тесей, 2006. – 192 с.

12. Сарашевский, Ю. Роль Лиги Наций в формировании права беженцев / Ю. Сарашевский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 1. – С. 33–36.

10. Иванов, Д.В. Правовой статус беженцев в международном и внутригосударственном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Д.В. Иванов ; Москов. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М., 1999. – 17 с.

13. Устав Международной Организации по Делам Беженцев (1946 год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Run2.1.1.html>. – Дата доступа: 01.11.2016.

14. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Принят резолюцией 428 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/unhcr_statute.shtml. – Дата доступа: 01.11.2016.

15. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml. – Дата доступа: 01.11.2016.

16. Протокол, касающийся статуса беженцев. Принят 31 января 1967 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml. – Дата доступа: 01.11.2016.

УДК 94(47).08

А.И. Мурашко

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ЖАНДАРМОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВОПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (на материале белорусских губерний)

Строительство железных дорог на территории Беларуси во второй половине XIX в., развитие инфраструктуры, обслуживающей железные дороги и подвижной состав, превратили железнодорожный транспорт в стратегически важный социальный объект, от функционирования которого зависело обеспечение нормальной жизнедеятельности, оборо-